

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1809—1810 гг. В ШВЕЦИИ

А. С. Кан

По сравнению с историографическими «сражениями» ряда поколений историков Французской буржуазной революции конца XVIII в. или революции 1848—1849 гг. в Германии историческая литература о шведской буржуазной революции выглядит довольно скромно. Это объясняется не только количеством населения в Швеции, но также особым, верхушечным характером шведских событий начала XIX века. Ведущую роль в них наряду с офицерами-дворянами сыграла сама королевская бюрократия новодворянского или плебейского происхождения. Ни широкие круги разночинной, то есть внесословной, буржуазии, ни тем паче народные массы не смогли сколько-нибудь существенно повлиять на ход революции. Высшее управление государством осталось в руках короля и дворян, хотя и на иных условиях, чем прежде¹.

Естественно, что в шведской историографии тема революции 1809 г. является одной из главных и, по признанию самих шведских историков, наиболее дискуссионных. Это и понятно: крайнее обострение классовых противоречий в ходе революции должно было создать и высокий накал научных споров вокруг ее исторического описания и осмысления².

Первая, официозная история событий 1809 г., под названием «Историческая картина последних лет правления бывшего короля Густава IV Адольфа», вышла уже в 1810—1811 годах. Анонимный, как это тогда было принято, автор раскрывал тяжкие ошибки низложенного короля, обосновывал необходимость переворота и выгораживал королевских советников. Подчеркивались бескровность и «умеренность» революции, сохранение большинства прежних чиновников на их постах. Несмотря на обширные приложения в виде документов и повествований самих участников событий, «Историческая картина» отличалась естественной тенденциозностью, не раз отмеченной современными и последующими авторами. Несомненно, однако, прогрессивное значение этого издания как идеологического оружия нового режима. За П. А. Гранбергом — анонимным автором «Исторической картины» — во многом следовал немецкий аноним, издавший в 1811 г. «Историю шведской революции до прибытия князя Понтекорво»³. И здесь воздавалась хвала единственной

¹ См. подробнее: «Новая и новейшая история», 1973, № 1.

² Историографические статьи и разделы в книгах шведских авторов по данной теме касаются преимущественно одного вопроса — происхождения конституции 1809 г. См. В. Sjövall. Georg Adlersparre och tronföljdsfrågan 1809. Lund. 1917, s. XIII etc.; S. Brिंग. Bibliografisk handbok till Sveriges historia. Stockholm. 1934, Kap. VI—VII; С. А. Hessler. Regeringsformen och den utländska doktrinen. Debatten kring en klassisk fråga. «Statsvetenskaplig tidskrift», 1959, № 2—3, s. 209—225; R. Karlbohm. Bakgrunden till 1809 års regeringsform. Göteborg. 1964, s. 4—28.

³ [P. A. Granberg.] Historisk tålla av f. d. konung Gustaf IV. Adolfs sednaste regeringsår... D. I—III. Stockholm. 1810—1811; [D. H. Hegewisch.] Geschichte der schwedischen Revolution bis zur Ankunft des Prinzen von Ponte Corvo. Kiel. 1811.

в своем роде по умеренности революции, столь противоположной революции французской, однако события освещались в несколько более либеральном духе, чем на страницах книги Гранберга. Большое внимание уделялось новой конституции и выделялись ее прогрессивные черты.

В совершенно ином духе — иронически-враждебном — описывал революцию в Швеции знаменитый немецкий публицист освободительных войн Э. М. Арндт. Очевидец начальных событий шведской революции, Арндт создал свою книгу уже в 1809—1810 гг., но издал лишь тридцать лет спустя, после смерти бывшего короля, своего давнего покровителя⁴. Вину за его ошибки Арндт возлагает в значительной мере на его советников, сам же Густав окружен ореолом рыцаря печального образа — непреклонного борца с ненавистным Арндту Наполеоном. Шведы и их революция получают у Арндта самую низкую оценку: первые — за равнодушие к общественным делам, вторая — за ограниченность, за неучастие в ней народа, за антикрестьянскую политику шведского дворянства — руководителя революции. Книга Арндта стоит особняком во всей литературе XIX в. по рассматриваемой теме, с ней разве что отчасти созвучна легитимистская апология самого полковника Гу-стафсона (новая фамилия низложенного монарха)⁵.

В годы европейской Реставрации само понятие революции вообще было не в почете. Деятели 1809 г., занявшие не первые, но весьма почетные посты при Карле XIV Бернадоте (1818—1844 гг.), не спешили с публикацией мемуаров о бурных днях своей юности. Однако в Скандинавии реакция на французскую революцию конца XVIII в. носила умеренно-консервативный характер. В частности, шведские историки-романтики — так называемая историческая школа — сохраняли определенную идейную преемственность с Просвещением XVIII в. и опирались скорее на идеологов британских тори — на Т. Бёрка, чем на континентальных апологетов Священного союза. Шведские романтики стояли на почве политических заветов революции 1809 г., и видный деятель последней, главный составитель конституции 1809 г. Х. Ерта стал духовным отцом упомянутой шведской исторической школы⁶. В глазах зрелого Ерты — 1820—1830-х гг. — революция 1809 г. была консервативной революцией-реставрацией, вернувшей страну на органически присущий ей путь развития, путь конституционной монархии, с которого ее сталкивали то короли-деспоты, то феодальная знать, то демократическая чернь. «Шведская конституция — самая монархическая из всех европейских, — с гордостью заявлял он в 1829 г.⁷, отвергая вместе с тем нередкие уже тогда утверждения о зависимости шведской «формы правления» 6 июня от иноземных образцов. — Она не была скроена ни по одному из костюмов общества, бывших тогда в моде у остальной Европы, но по старинному шведскому фасону, с крестьянской кофтой в обтяжку»⁸.

Усиление либеральной оппозиции с конца 1820-х годов и особенно революционные события в Европе 1830-х годов вызвали новый интерес шведов к событиям начала века, в особенности у молодежи. Интерес этот поспешили удовлетворить либеральные публицисты. Чуждые мето-

⁴ E. M. Arndt. Schwedische Geschichten unter Gustav III vorzüglich aber unter Gustav IV. Leipzig. 1839.

⁵ Oberst Gustafsson. Der dreizehnte März oder die wichtigsten Tatsachen der Revolution von 1809. Hamburg. 1835.

⁶ Шведская историческая школа 20—30-х годов XIX в. как таковая не нашла отражения ни в «Историографии нового времени стран Европы и Америки» (М. 1967), ни в книге А. Г. Мысливченко «Философская мысль в Швеции» (М. 1972); ср. G. Heckscher. Svensk konservatism före representationsreformen. I. Uppsala och Stockholm. 1939.

⁷ Цит. по: S. Wallengren. Hans Järta som politisk teoretiker. Lund. 1906, s. 100.

⁸ Цит. по: A. Brusewitz (utg.). Hans Järta berättelse om tillkomsten av 1809 års regeringsform. «Historisk tidskrift» (далее — «HT»). Stockholm. 1915, s. 263.

дам исторической критики и вообще мало озабоченные строгим восстановлением истинного хода событий, они использовали свидетельства еще живых участников революции, а главное, оценивали последнюю с относительно передовых, антиертовских позиций. Наиболее известным среди них был М. Я. Крузенстольпе. С публицистами успешно соперничали и одновременно снабжали их необходимыми аргументами состарившиеся «люди 1809 года» и в первую очередь граф Г. Адлерспарре. В мартовские дни 1809 г. он первый поднял знамя военного мятежа и впоследствии играл виднейшую роль в новом правительстве вплоть до начала 1810 г., хотя и не использовал открывшихся ему возможностей для углубления революции. В 1830 г. он начал анонимно выпускать в издательстве известного либерала Л. Ерты (Hjertha; не путать с Х. Ертой — Järta) «Акты, относящиеся к древней, новой и новейшей истории Швеции»⁹. Подавляющая часть этих актов состояла из переписки деятелей революции с Адлерспарре, а также из его собственных воспоминаний. Сенсационная публикация Г. Адлерспарре не отвечала требованиям даже тогдашней археографии: он крайне вольно обращался с материалами своего архива. И все же «Акты» и поныне не утратили ценности как первоисточник.

Вполне закономерно родилась в 1830-е годы и либерально-демократическая концепция революции 1809 г., открыто заостренная против консервативной исторической школы Х. Ерты, которого либералы 1830-х годов не без основания объявили ренегатом революции. Эту концепцию в концентрированном виде содержал, в частности, памфлет «Швеция в 1809 и 1832 годах» оппозиционного драматурга А. Линдеберга¹⁰. То была резкая критика «людей 1809 года» слева. Революция без героев (развенчание Г. Адлерспарре), бескровный переворот янычар, половинчатость от начала и до конца — таковы были оценки Линдеберга. Поменяли только короля и династию, а «все формы государственного здания остались прежними», советники Густава вышли сухими из воды, за блестящим, но хрупким фасадом конституции 1809 г. скрывалось «новое издание их (сословий) цехового устройства». Линдеберг признавал за революцией лишь одну серьезную заслугу — установление известной свободы печати.

Линдеберга скоро затмил названный выше публицист, либеральный дворянин М. Я. Крузенстольпе¹¹. Остановимся лишь на его программном историко-политическом памфлете «1772—1789—1809», вышедшем в 1836 году¹². В своей критике революции он гораздо сдержаннее Линдеберга, и это естественно для горячего почитателя Б. Констана — классического идеолога буржуазного либерализма. Крузенстольпе чтит и память деятелей славного 1809 г. — Г. Адлерспарре и Л. Маннергейма (председателя комитета по составлению конституции 1809 г.). Однако и он сводит главное завоевание революции к утверждению свободы печати, свободы критики чиновников. Затем следуют обращенные к деятелям 1809 г. упреки в половинчатости: они «рассчитывали и были способны лишь на перемену декорации, а отнюдь не на государственный переворот в высшем смысле»¹³.

При всей политической полезности перечня упущений и недоделок революции 1809 г., какой содержался в сочинениях Линдеберга, Кру-

⁹ G. Adlersparre (utg.). Handlingar rörande Sveriges äldre, nyare och nyaste historia. D. 3—9. Stockholm. 1830—1833.

¹⁰ A. Lindeberg. Sverige år 1809 och år 1832. Stockholm. 1832; ср. Э. Берендтс. Государственное хозяйство Швеции. Вып. 1, ч. II. Ярославль. 1894, стр. 57.

¹¹ О Линдеберге и Крузенстольпе см.: К. Бекстрем. История рабочего движения в Швеции. М. 1961, стр. 57—58.

¹² M. J. Crusenstolpe. 1772, 1789, 1809. Stockholm. 1836.

¹³ Op. cit., p. 75. Впоследствии Крузенстольпе сильно поправил. См. его «Revolutionen den 13 mars 1809». Stockholm. 1859.

зенстольпе и всех последующих более радикальных ее критиков, историк-марксист должен оценивать шведскую верхушечную революцию по тому в первую очередь, что было ею сделано, и сопоставлять с другими революциями ее же времени. Поэтому развенчание революции 1809 г., даже если это делается с самых революционных позиций, страдает антиисторизмом. Ближе к истине были замечательный поэт И. Тегнер и выдающийся историк и философ Э. Г. Гейер, когда оценивали решение Г. Адлерспарре поднять мятеж как спасение отечества¹⁴. Разумеется, Гейер в свой консервативный период — почти до конца 30-х годов понимал и признавал историческое значение «перемены правления и новой династии, установивших новый порядок вещей»¹⁵. В лекциях же 1844 г. по современной истории Гейер, тогда уже буржуазный либерал, подчеркивал историческое значение указанной перемены, общенародный характер риксадага 1809—1810 годов. Он приветствовал «следы нового духа» в принятой конституции, «наряду с сохранными основными чертами старого». Конституция эта, предвосхищая Гейер выводы либеральных историков начала нашего века, «была составлена в расчете на будущее развитие»¹⁶. Упор он делал на передовых, прогрессивных элементах конституционных актов и проектов 1809—1810 годов.

Понадобилось основательное потрясение в виде европейских революций 1848—1849 гг., отозвавшееся и в Швеции резким обострением политической борьбы, чтобы появилась еще полупублицистическая, но уже основанная на новых публикациях и архивных материалах история шведской революции. То были две книги К. Адлерспарре-младшего — «Революция 1809 года и ее деятели» (по март 1809 г.) и ее продолжение — «1809 и 1810. Картины времени»¹⁷. Либеральный граф-публицист воздвиг подлинный литературный памятник своему отцу, которого в значительной степени идеализировал, отчасти в ущерб другим участникам революции. Обе книги не давали систематичного изложения событий, но включали множество ранее не известных или не изданных документов, писем, воспоминаний. Несмотря на дилетантскую публикацию источников, на легковерие и тенденциозность, Адлерспарре-младший все же сумел, развивая мысли Крузенстольпе и Гейера, впервые показать события 1809—1810 гг. как одну из европейских буржуазных революций (разумеется, без употребления самого термина «буржуазный»), как совершенно особое событие в ряду шведских государственных переворотов нового времени. Автор стоял на позициях демократического либерализма и провозглашал благотворное значение революций в мировой истории вообще и шведской в частности. «Историю шведского народа... следовало бы назвать одной сплошной, но не законченной историей революции». Адлерспарре-младший восхвалял особый — армейский способ осуществления революции: «Штык в большинстве случаев бывал поборником чистой совести и свободы»¹⁸.

В своей второй книге, посвященной риксадагу 1809—1810 гг., народным волнениям лета 1810 г., избранию и первым шагам кронпринца Карла Юхана (бывшего маршала Бернадота), автор из панегириста превращается в строгого критика. В духе Линдеберга обличает он тогдашних законодателей, ставит новый и важный вопрос о роли отдельных сословий в революции, возражает против ходячего ее изображения как дела одних дворян. Деятели революции сильны были поддержкой

¹⁴ Отклики обоих на смерть Г. Адлерспарре в 1835 г. см.: С. А. Adlersparre. 1809 års revolution och dess män. D. I. Stockholm. 1849, s. 83, 132.

¹⁵ Из письма к Х. Епре, 1829 г. «НТ», 1907, s. 46.

¹⁶ E. G. Geijer. Samlade skrifter. Förra avdelningen. Bd. VI. Stockholm. 1853, s. 389.

¹⁷ С. А. Adlersparre. 1809 års revolution och dess män. Tidstavlor. D. 1—2. Stockholm. 1849; ejusd. 1809 och 1810. Tidstavlor. D. 1—3. Stockholm. 1850.

¹⁸ С. А. Adlersparre. 1809 års revolution... D. I, s. 15; d. 2, s. 1.

общественного мнения, выступали от имени нации. В этих апологетических словах есть и верная мысль о том, что передовое дворянство свершало дело буржуазии, чью политическую слабость по сравнению с последующим периодом автор также отмечает. Злейшими врагами революции также были дворяне, и Адлерспарре-младший клеймит блок дворянского и духовного сословий в риксдаге как оплот реакции. Он с удовлетворением отмечает политическое пробуждение крестьянских депутатов в этом риксдаге, видит в нем мощный потенциальный фактор общественного прогресса Швеции и гордится влиянием своего отца на крестьян. Адлерспарре-младший, в сущности, выступает здесь как первый вполне сознательный буржуазно-демократический историк революции. Больше того, после позднего Гейера это первый сознательный представитель буржуазной историографии в своей стране; на отсутствие такой историографии Гейер сетовал еще в 1846 г., отвечая своему критику А. Фрюкселю. Монархическо-антиаристократическая традиция в предшествующей шведской исторической литературе была буржуазной косвенно, лишь в конечном счете, в силу поддержки слабой буржуазией королевского абсолютизма¹⁹.

50-е годы XIX в. в Швеции, как и в остальной Европе, ознаменовались консервативными веяниями. Вместе с тем благодаря открытию некоторых архивов и новым публикациям мемуаров расширилась основа для познания «новейшей» в то время истории. Оба обстоятельства отчетливо видны в известных официозных «Памятниках новой истории Швеции» Б. Шинкеля и К. В. Бергмана, где 4-й и 5-й тома посвящены интересующему нас периоду²⁰. Бывший адъютант и приближенный Карла XIV Юхана, Шинкель с санкции последнего собрал множество ценных первоисточников и получил доступ к еще закрытым тогда фондам; Бергман же впервые столь подробно и с претензией на надпартийность описал внутреннюю и внешнюю историю тех лет с приложением ряда документов. Высшей ценностью для авторов была сила и независимость государства, они исходили из примата внешней политики над внутренней. Революция 1809 г. представлялась им крайним средством для спасения страны от национальной катастрофы, неизбежным злом. Г. Адлерспарре по сравнению с его панегириком у Адлерспарре-младшего развенчивался. Авторы верно отмечали антагонизм между ним как вождем революции и силами старого порядка — аристократией и высшим чиновничеством. Попытки углубления революции — борьба крестьян против режима привилегий, призыв к расследованию действий столпов прежнего царствования — в книге осуждались, как и вся борьба между партиями 1809—1810 годов. Особо одиозными выглядели контрреволюционеры-густавианцы, с одной стороны, и революционная демократия (Гревесмёлен — «маленький Марат») — с другой. Ферсенские волнения 1810 г. в Стокгольме обрисованы с ужасом и отвращением как начало народной революции, расправы с богачами и знатью. Венцом событий, выходом из тупика явилось избрание нового наследника — Бернадота, который и предстает в повествовании единственным вполне положительным героем.

Несмотря на установленную вскоре фактическую ненадежность «Памятников», на их источниковедческое несовершенство, они долго оставались основным пособием по истории шведской революции²¹. Между

¹⁹ В этом смысле следует ограничить тезис о раннем возникновении в Швеции буржуазной историографии (см. «Историография нового времени стран Европы и Америки», стр. 626).

²⁰ B. von Schinkel, C. W. Bergman. Minnen ur Sveriges nyare historia, samlade af B. von Schinkel, författade och utgifne af C. W. Bergman. D. 4—5. Stockholm. 1854.

²¹ Cp. R. Kjellén. Den nationella karakteren i 1809 års grundlagsstiftning. «HT». 1893, s. 17; B. Sjövall. Op. cit., pp. XVI—XVII.

тем университетская наука с гораздо большим рвением разрабатывала государственно-правовые сюжеты, связанные с конституцией 6 июня, чем историю самой революции. Не останавливаясь на множестве специальных исследований, первые из которых писались еще на латыни, отметим лишь присущий им дух преклонения перед действующей «формой правления». Такое преклонение с годами утратило свою относительную прогрессивность (как противовес попыткам самодержавной реставрации) и становилось тем реакционнее, чем меньше «форма правления» 6 июня и прочие основные законы 1809—1810 гг. отвечали потребностям окрепшей шведской буржуазии и всему уровню развития индустриализирующейся Швеции второй половины XIX века.

Столпом среди шведских государствоведов той поры считался Кр. Науман. Ему принадлежит обширное историческое введение к публикации основных законов, а также четырехтомное «Государственное право Швеции»²². Науман развивал консервативно-националистическую версию Х. Ерты относительно происхождения и характера конституции. На первый план выдвигалась и преувеличивалась близость ее к полусамодержавной «форме правления» 1772 г.: «В основном соотношении так называемых политических властей, намеченное в форме правления 1772 года, было сохранено без изменений»²³. Науман прославлял именно реакционные черты шведской конституции. Критике подвергался лишь сословный характер национального представительства, устраненный парламентской реформой 1865—1866 годов. Против иных «опасных» новшеств Науман всячески предостерегал.

Концепция Наумана вполне соответствовала преобладающим в среде шведской профессуры настроениям в третьей четверти XIX в., когда либерализм из оппозиционного стал охранительным и грань между либералами и консерваторами временно стерлась²⁴. Вместе с тем 70—80-е годы XIX в. были временем крупных успехов истории как науки, углубления исследований, реформы университетского образования, издания первого исторического журнала. На этом фоне понятно и появление первого научного исследования по истории государственного переворота 1809 г. — М. Сандегрена²⁵. Автор рассматривал сравнительно краткий отрезок времени — от 13 марта до июня 1809 г. включительно, но с привлечением всех тогда уже доступных источников. В центре его исследования стоял вопрос о подготовке и принятии новой конституции — главный вопрос революции. Текст, выработанный конституционным комитетом в мае 1809 г., Сандегрен правильно оценил как качественно новый, а несомненное сходство его с правительственным (хоконсоновским) проектом — как преимущественно формальное. Хоконсоновский проект подвергся в комитете основательной переработке в прогрессивном направлении. Сандегрен верно подметил полемический по отношению к королю тон конституции, присущее ей «недоверие к королевской власти и чиновничьей администрации». Соглашаясь с тем, что конституция выросла на почве шведского опыта, Сандегрен вместе с тем признавал и влияние на нее конституционных теорий того времени.

Значительно уступая Сандегрену в тщательности исследования, полезное дело осуществил еще в начале 80-х годов XIX в. либеральный публицист О. Шёгрен своими популярными биографиями таких деятелей революции, подвергавшихся особым нападкам со стороны шведских

²² Chr. Naumann (utg.). Sveriges grundlagar... med en historisk inledning... 3. uppl. Stockholm. 1866 och 1873; e j u s d. Sveriges statsförfattningsrätt. Ny uppl. Bd. 1—4. Stockholm. 1876—1884.

²³ Chr. Naumann. Sveriges grundlagar, s. 291.

²⁴ G. Jacobson. Från Geijer till Hjärne. Stockholm. 1945, s. 144—149; N. Elvan der. Harald Hjärne och konservatismen. Stockholm. 1961, s. 36—38.

²⁵ M. Sandegren. Till historien om statshvälfningen i Sverige 1809. Göteborg. 1890.

консерваторов, как Г. Адлерспарре и К. Гревесмёлен²⁶. Книга об Адлерспарре была первой шведской биографией в либеральной стокгольмской серии «Жизнь замечательных людей». В образе этого подполковника, дворянина мелкой руки и новой формации ясно проступали плебейские, буржуазные черты. Автор отразил необоснованные нападки на Адлерспарре справа, но вместе с тем идеализировал своего героя.

Либеральная — в смысле общей отрицательной оценки Густава IV и положительной оценки революции — и вместе с тем консервативная — в смысле оценки конституции 1809 г. трактовка давалась событиям 1809—1810 гг. в первой коллективной «Истории Швеции с древнейших времен до наших дней» (авторы соответствующих разделов — С. Боециус и Т. Сэве)²⁷. Однако рост буржуазно-демократического и социалистического движения в Швеции 90-х годов XIX в., постановка вопроса о новой парламентской реформе, борьба норвежских венстре за равенство в унии Норвегии со Швецией возродили научные споры вокруг истории революции 1809 года. Господствующая консервативная профессура деятельно отстаивала существующий политический строй. Ярким примером такой защиты служили статьи еще молодого Р. Челлена — государствоведа и ультраконсервативного общественного деятеля²⁸. Челлен развивал старую идею исторической школы о «почвенном», строго национальном, консервативном и монархическом характере конституции 1809 года. В текст последней, по его мнению, вошли лишь детали из зарубежных конституций, главным образом из французских 1791, 1795 и 1804 годов. На конституцию в целом не оказала ни малейшего влияния просветительская доктрина: теория Монтескье была разве что современным одеянием для исконных шведских государственно-правовых идей.

Сходные мысли развивал и исследователь политической теории Х. Ерты С. Валленгрен, приписавший своему герою — деятелю революции 1809 г. — глубоко консервативные взгляды более позднего периода его деятельности — 1820—1830 годов²⁹. Известный правовед, социолог и реакционный политический деятель П. Фальбек посвятил консервативному истолкованию конституции несколько своих работ 1900-х—1910-х годов. В статье-докладе 1901 г. «Коренные черты шведской конституции»³⁰ он пошел дальше Челлена в своем отрицании каких-либо определенных иностранных заимствований в первоначальном тексте конституции. Форма правления 1809 г. в его глазах — лишь итог всей конституционной истории шведского народа, шведская история, записанная в виде параграфов основного закона.

Если Челлен толковал революцию 1809 г. как реставрацию, а П. Фальбек даже в 1910 г., избегая ненавистного понятия, говорил описательно лишь о «низложении короля» и «восстановлении более конституционных порядков», то консервативный историк С. Класон прямо попытался дискредитировать «людей 1809 года», реабилитировав низложенного короля Густава IV. Свою попытку он приурочил к торжественно отмеченному 100-летию юбилею конституции³¹. Сделано это было

²⁶ O. Sjögren. Georg Adlersparre. En historisk karaktärsbild. Stockholm. 1881; e j u s d. Karl August Grevesmöhlen. Stockholm. 1882.

²⁷ «Sveriges historia från äldsta tid till våra dagar». D. 5. Stockholm. 1894; d. 6. Stockholm. 1890.

²⁸ R. Kjellén. Den nationella karakteren i 1809 års grundlagsstiftning. «HT», 1893, № 1; e j u s d. Om den svenska grundlagens anda. Rättspsykologisk undersökning. Göteborg. 1897.

²⁹ S. Wallengren. Hans Järta som politisk teoretiker. Lund. 1906.

³⁰ P. Fahlbeck. Grunddragen av Sveriges författning. «Statsvetenskaplig tidskrift», 1901; e j u s d. Regeringsformen i historisk belysning. Stockholm. 1910; ср. А. Г. Мысливченко. Указ. соч., стр. 131, 173.

³¹ S. Clason. Vårt hundraårsminne: krisen 1808—1809, «HT», 1909, № 1; e j u s d. Gustaf IV Adolf och general Moore. «HT», 1912, № 1; e j u s d. Gustaf IV Adolf och den europeiska krisen under Napoleon. Historiska uppsatser. Andra uppl. Stockholm. 1913.

под благовидным предлогом критического пересмотра якобы апологетической версии причин революции, выдвинутой самими деятелями 1809 г., и, по мнению Класона, всецело утвердившейся в исторической литературе. Класон — особенно в своих конкретных исследовательских статьях — убедительно показал ненадежность ряда обычно используемых мемуарных источников, объяснил некоторые внешне бессмысленные политические акции Густава IV, распространил ответственность за неудачи 1808—1809 гг. на его советников. Однако попытки изобразить этого ограниченного, упрямого и неуравновешенного легитимиста-мистика провозвестником освободительных войн против Наполеона и радетелем экономических интересов шведской буржуазии, представить его войну «до победного конца» как единственно правильную политику остались неубедительными.

Столетний юбилей революции был для Класона поводом к осуждению революции. Военный мятеж Адлерспарре (7 марта) он трактовал почти как национальную измену³². Революция довела Швецию до крайнего падения — народной расправы с графом Ферсеном в 1810 г., — а затем и до ненавистного Класону союза Швеции с Россией 1812 года. Для Класона единственный светлый луч во всем этом мраке — конституция 6 июня, трактуемая им в духе позднего Х. Ерты — Челлена — Фальбека. Историк-реакционер не хочет признать, что без 7 и 13 марта не было бы 6 июня.

Свою реакционную концепцию Класон вскоре более подробно изложил для широкой публики в соответствующем томе коллективной «Истории Швеции до XX столетия»³³. Крайности юбилейного доклада здесь смягчены, и советникам короля вменяется в вину, что они слишком поздно отстранили его от власти, хотя считали монарха психически неполноценным. Революция типа французской шведам была не нужна, необходимые реформы проводились здесь самими королями, особенно Густавом III. После 13 марта достаточны были бы минимальные перемещения. Показательно, что в обильно иллюстрированном издании рядом с портретами реакционеров Густава IV, Ферсена, Меттерниха и др. не нашлось места для Г. Адлерспарре. Концепция Класона ярко воплощала в себе поворот правящих кругов Швеции начала нашего века к империалистической реакции и перекликалась с почти одновременным историографическим «походом» ведущего шведского историка того времени Х. Эрне против Французской буржуазной революции конца XVIII в. и Наполеона как ее душеприказчика³⁴.

Консервативная «монополия» на истолкование событий и итогов 1809 г. была вскоре же поколеблена либеральной «оппозицией» на историческом фронте. В нашей литературе уже указывалось на теснейшую связь этой историографической оппозиции с политической борьбой того времени — с вопросами парламентской реформы, пределов реальной власти монарха, военных расходов и внешней ориентации³⁵. Либеральные историки обрушились на традиционное представление о конституции 1809 г. и взяли под защиту революцию 1809 г. от ее консервативных чернителей. Первыми публикациями либеральных критиков явились рецензии малоизвестного преподавателя Н. Хейера на юбилейные книги маститых профессоров П. Фальбека и С. Боециуса о конституции 1809 года. В журнальных выступлениях Н. Хейера 1910 г. уже содержались в сжатом виде такие верные наблюдения, как вынужденный и компро-

³² Класон опирался при этом и на отрицательное толкование роли Г. Адлерспарре в начале революции, данное в статье: В. Sjövall. Den Adlersparreska revolutionen, «НТ», 1907, № 1.

³³ «Sveriges historia intill tjugonde seklet». Afd. 9. Stockholm. 1910. Переиздано как «Sveriges historia till våra dagar». D. 11. Stockholm. 1923.

³⁴ См. рецензию Т. Хейера (старшего): «НТ», 1912, № 3, с. 65—71.

³⁵ См. «Вопросы истории», 1971, № 11, стр. 83—85.

миссный характер конституции, созданной в чрезвычайных обстоятельствах внешнего и внутреннего нажима; конституция как создание коллектива, а не одного лишь Х. Ерты; бесспорность иностранных заимствований в конституции и пр.³⁶

Видный деятель либеральной партии историк Н. Эден полемизировал с С. Класоном, не называя его по имени, в своей популярной брошюре о революции 1809 года³⁷. Эден преувеличивал общенациональный характер революции, не показывая должным образом ее верхушечной ограниченности и доводил свое изложение лишь до 10 мая 1809 г.— акта низложения прежней династии,— то есть освещал только начальные этапы революции. Тем не менее брошюра Эдена привлекла внимание общественности: шведские события показывались в ней как часть всемирных революционных сдвигов рубежа XVIII — XIX вв., обстоятельно характеризовалась реакционная политика последних лет царствования Густава IV, раскрывался, по сути дела, кризис густавианского абсолютизма. Эден освещал борьбу различных политических направлений в начальный период революции, впервые отводя главную положительную роль не организаторам военного мятежа (Адлерспарре) и переворота (Адлеркрейц), а третьей силе — конституционалистам, активу сословного риксдага. Автор показал и постепенное перерастание первых решительных действий оппозиции — военного мятежа и ареста короля — в революцию. Безоговорочно положительная рецензия другого видного историка, ректора Гетеборгского университета Л. Ставенена, на брошюру Эдена, по-видимому, свидетельствовала о том, что класоновский пересмотр не поддерживается единодушным научным мнением³⁸. Да и сам Класон в предисловии к своему сборнику статей 1913 г. «бил отбой» и претендовал лишь «на известный пересмотр прежнего понимания», на более справедливое распределение вины между «козлом отпущения» (имелся в виду король) и его приближенными³⁹.

Важным, хотя и специальным, шагом в исследовании революции была обширная статья А. Форсселя о межсословной борьбе в центральном государственном управлении и ее итогах в 1809 году⁴⁰. Автор показал, что реорганизация высшего государственного управления в ходе революции была предметом ожесточенной борьбы чиновников — дворян и недворян — и что итоги этой борьбы несли на себе печать классового компромисса (те же вопросы подробнее излагались затем в диссертации Форсселя⁴¹). Наиболее сильный удар по консервативной концепции возникновения и характера конституции был нанесен в 1913 г. диссертацией А. Брусевича, посвященной вопросу о парламентском представительстве на риксдаге 1913 года⁴². Личный друг «шведского Ллойд-Джорджа» — премьер-министра К. Стаафа — Брусевич не скрывал своих либеральных политических взглядов. Однако исследование его отличалось определенной объективностью. Автор разыскал, привлек, частью опубликовал несколько новых конституционных набросков, проектов, петиций и впервые показал подлинные политические взгляды кон-

³⁶ См. особенно его рецензию на книгу П. Фальбека: «НТ», 1910, № 3, с. 61—65; ср. также «Statsvetenskaplig tidskrift», 1959, № 2—3, с. 216; N. H ö j e r. Hans Järta och Sveriges grundlagar. «НТ», 1910.

³⁷ N. E d e n. 1809 års revolution. D. 1—2. Stockholm. 1911, andra uppl. 1928.

³⁸ «НТ», 1911, с. 104—106; см. также освещение Ставененом предыстории революции 1809 г. (в кн. «Sveriges historia till våra dagar», d. 10, 1925), столь отличное от концепции С. Класона (*ibid.*, d. 11).

³⁹ S. C l a s o n. Gustaf IV Adolf och den europeiska krisen, s. VIII—IX.

⁴⁰ A. F o r s s e l l. Standsstriden inom centralförvaltningen och statsrådets organisation enligt 1809 års regeringsform. «НТ», 1911, № 2.

⁴¹ A. F o r s s e l l. Ministerier och kollegier. Studier i departementalreiformens förhistoria till 1812. Stockholm. 1918.

⁴² A. B r u s e w i t z. Representationsfrågan vid 1809—1810 års riksdag. En inledning till representationsreformens historia. Uppsala. 1913.

ституционалистов 1809—1810 годов. Они оказались более левыми, разумеется, в рамках буржуазного либерализма, чем полагали прежде. В свете этих свежих документов по-новому выглядело и возникновение конституции. Ее подчеркнутая опора на шведскую государственно-правовую традицию оказывалась не выражением принципиального консерватизма Х. Ерты и др. (в 1809—1810 гг. тот же Ерта еще был умеренным либералом), а следствием особых, чрезвычайных обстоятельств, включая и боязнь густавианской контрреволюции.

Выяснилось, что шведские конституционалисты, по крайней мере А. Г. Мёрнер и А. Г. Сильверстоле, исповедовали доведенное до крайности учение Монтескье о разделении властей. Идеи истоки шведской конституции оказывались, по Брусевичу, те же, что и у конституции США, с ее крайним дуализмом президента и конгресса. Консервативный тезис о строго национальном происхождении «формы правления» 1809 г. не разрушался, но требовал определенных поправок⁴³.

Если в первой своей книге Брусевич критиковал консервативную схему по частному вопросу о парламентском представительстве, то в книге 1917 г. он развил свою концепцию применительно к идейно-политической борьбе по конституционному вопросу 1809—1810 гг. в целом⁴⁴. Он решительно отвергал какую-либо доказательность утверждений позднего Х. Ерты-консерватора для объяснения его действий и всего создания конституции весной 1809 года. Последняя была плодом компромисса между умеренными роялистами, преобладавшими в правительстве (от Адлеркрейца справа до Адлерспарре слева), и либералами-конституционалистами, стоявшими вровень с западноевропейскими политическими идеями своего времени, однако не левее Монтескье и позднего Сийеса. Конституция 6 июня была для них не пределом, не идеалом, а лишь реально достижимым в тех условиях минимумом.

Книга Брусевича была по консерваторам, видевшим в конституционном акте столетней давности воплощение шведской государственной мудрости. «Профессора-государствоведы разъясняли, что образ действий короля в связи с крестьянским походом⁴⁵ вполне соответствует основным законам державы», — вспоминает социал-демократ Т. Эрландер⁴⁶. Торжество практики парламентаризма и избирательная реформа 1918—1919 гг. означали утверждение в Швеции буржуазно-демократических порядков при минимальном изменении буквы самой конституции 1809 года. Тем самым утратила политическую актуальность и полемика по вопросу о происхождении и общем духе конституции, достигшая в 1910-х годах своего апогея. Консервативные историки и правоведы — они же зачастую и депутаты риксдага от своих партий — смирились с неудачей, хотя и пугали своих слушателей и читателей «ужасами большевизма», которые якобы несло с собой повторение «эры свобод», народовластие⁴⁷. Одновременно получила признание, с известными оговорками, и концепция Брусевича. Об этом свидетельствуют отклики консервативных авторов: статья С. Боециуса об идейных истоках парламентской реформы 1865—1866 гг. и рецензия Э. Фальбека-младшего на вторую книгу Брусевича. Критик признавал влияние Монтескье на известную формулировку разделения властей в мемориале Х. Ерты от 2 июня 1809 г., справедливо указывая также на то, что мысль о равновесии

⁴³ Ср. также G. Rexius. Några ord om andan i 1809 års grundlagsstiftning. «Statsvetenskaplig tidskrift», 1914, № 2, s. 77.

⁴⁴ A. Brusewitz. Studier över 1809 års författningskris. Den idépolitiska motsättningen. Uppsala. 1917.

⁴⁵ Имеется в виду демонстрация кулаков перед королевским дворцом в Стокгольме, поддержанная Густавом V, после которой король фактически вынудил уйти в отставку либеральное правительство Стаафа (февраль 1914 г.).

⁴⁶ T. Erlander. 1901—1939. Stockholm. 1972, s. 46.

⁴⁷ См. например, редактируемый П. Фальбеком журнал «Statsvetenskaplig tidskrift» за 1914—1918 гг. и прощальное слово редактора (там же, 1918, № 5, стр. 257—262).

соперничающих государственных властей подсказывалась всем историческим опытом самой Швеции XVII—XVIII веков⁴⁸.

Вместе с тем консервативные историки продолжали в годы первой мировой империалистической войны развенчание революции и ее деятелей. Б. Шёвалль в диссертации «Георг Адлерспарре и вопрос о престолонаследии 1809 г.» исчерпывающе осветил деятельность «военного деспота», как прозвали Адлерспарре реакционеры⁴⁹. Признавая всю ценность отдельных открытий историко-биографического и историко-дипломатического характера, сделанных автором, следует отметить, что он упорно не желал признавать подлинного значения событий 1809 г., а потому и не мог по достоинству оценить роль Адлерспарре. На деле сравнительная легкость исторических задач верхушечной шведской революции 1809 г. позволила ей «довольствоваться» и политиками скромного масштаба.

В обстановке «демократического прорыва» конца 1910-х годов исследователи обращались к событиям 1809—1810 гг. как исходному рубежу для последующего развития разных сторон общественной жизни Швеции. Таково исследование Ивара (не Ингвара) Андерссона о зарождении политической ответственности королевских советников после 1809 года. Новая статья Б. Шёвалля специально привлекала внимание к борьбе политических партий в дворянском сословии риксдага 1809—1810 годов. Крупный пробел заполнило исследование Х. Линдстрема о развитии свободы хозяйственной деятельности в ходе революции 1809 г. и после нее. Он показал, что только после переворота 13 марта впервые против традиционной системы хозяйственной регламентации выступила сплоченная парламентская оппозиция. Э. Фальбек в диссертации об институте государственного суда для высших должностных лиц по конституции 1809 г. показал принципиально новую роль государственного судебного процесса после революции — из бывшего орудия самодержавия он, по идее, стал средством парламентского устранения королевских советников-министров. То было, признавал Фальбек, плодом заимствования из французской конституции 1791 года⁵⁰.

Образцом консервативной историографии послевоенных лет могут служить историко-биографические исследования двух финляндских историков — Г. Рейна о К. Адлеркрейце и К. Бунддорфа о шведско-русском государственном деятеле Г. М. Армфельте⁵¹. Жизнеописания этих консервативных финляндских участников революции и контрреволюции 1809—1810 гг. были окрашены явной симпатией авторов.

После первой мировой войны в Швеции окрепла марксистская историческая публицистика. Верхушечная революция 1809 г. не пользовалась, однако, ее вниманием. Что касается правой социал-демократии, то она, по-видимому, не выработала собственной общей концепции истории Швеции, отличной от концепции либералов. Революция 1809 г. едва упомянута в кратком очерке истории Швеции, написанном для левосоциалистической «Рабочей энциклопедии» (Осло) шведским историком социал-демократом П. Нюстрёмом. Он сводил значение революции к

⁴⁸ S. J. Boëthius. 1865—66 års representationsreform i idëhistorisk belysning. «HT», 1918, № 4, s. 221—231; E. Fahlbeck. 1809—10 års grundlagsstiftning i ny belysning. «Statsvetenskaplig tidskrift», 1917, № 5, s. 350.

⁴⁹ B. Sjövall. Georg Adlersparre och tronföljdsfrågan 1809. Lund, 1917.

⁵⁰ I. Andersson. «Oppositionen» och ministeransvarigheten. Parlamentariska strömningar i svensk politik 1809—1840. Uppsala, 1917; B. Sjövall. Om partier och paskviller å riddarhuset vid 1809—1810 års riksdag. «Bilaga till Kristiansstads högre allmänna läroverks årsredogörelse 1921—1922». Kristiansstad, 1922; H. Lindström. Näringsfrihetens utveckling i Sverige 1809—1836. Göteborg, 1923; E. Fahlbeck. Riksrättsinstitutet i 1809 års författning. Uppsala, 1924. (недоступной осталась обзорная работа Э. Фальбека по истории риксдага 1809—1866 гг.).

⁵¹ G. Rein C. J. Adlercreutz. Försäk till en levnadsbeskrivning. D. 1—2. Helsingfors, 1925—1927; C. v. Bunsdorff. Gustav Mauritz Armfelt. Levnadsskildring. D. 1—4. Helsingfors, 1930—1934.

тому, что благодаря ей и посредством новой конституции укрепила свою власть бюрократия⁵².

Вместе с тем острота классовых конфликтов и определенный кризис буржуазного парламентаризма в Швеции 20-х годов XX в., поправление либералов, активизация левых течений в СДПШ, наконец, воздействие самого факта существования Страны Советов должны были укрепить буржуазно-радикальное течение шведской историографии, фактически выступавшее от имени социал-демократов. По ряду причин этот историографический радикализм сильнее проявился в Лундском университете⁵³. Здесь в 1923 г. была успешно защищена диссертация А. Томсона о роли поземельных налогов в шведской политической дискуссии 1809—1823 гг. (впоследствии автор стал видным деятелем СДПШ). За специальным заглавием скрывался наиболее острый социальный вопрос революции — о пережитках феодализма в XIX в., поскольку неравное обложение разных категорий земель было главным из таких пережитков. Томсон, по существу, впервые подошел к революции 1809 г. как социальному конфликту, вызванному столкновением экономических интересов. Такой подход с лихвой искупал использование автором одних лишь печатных источников. В трактовке самой революции этот радикальный историк опирался на выводы Сандегрена и особенно Брусевича. Томсон впервые специально исследовал всю гамму взглядов по вопросу налогообложения и привилегий, существовавшую в Швеции 1809—1810 годов. При этом радикальные круги привлекли его особое внимание. Томсон раскрыл взаимосвязь социального и конституционного радикализма. Полемизируя со своими консервативными предшественниками (О. Алином), он показал историческую прогрессивность и буржуазное содержание земельно-податных требований крестьянских депутатов и радикальной публицистики. В другой своей работе Томсон доказал, что понятие «либерал» как партийное обозначение было впервые употреблено не испанцами в 1810 г., а шведами — годом раньше⁵⁴.

Интерес последующих историков радикального направления, идейно близкого социал-демократам, а историографически — школе Матьева — Лефевра в изучении Французской буржуазной революции конца XVIII в., сосредоточился вокруг межпартийной борьбы, демократических течений и народных выступлений 1809—1811 годов. После книги Томсона наибольшее значение имело исследование С. Андгрена о взаимоотношениях королевской власти и сословий в 1809—1812 годах⁵⁵. Он, во-первых, показал более сложное, чем считал еще Брусевич, партийно-политическое размежевание в риксдаге 1809—1810 гг., пестроту оттенков под общими обозначениями «людей 1809 года» и конституционалистов. После принятия конституции и смены правительства (июнь 1809 г.) сами либералы как часть правительственного центристского блока имели оппозицию против себя не только справа (аристократов-густавианцев), но и слева — радикальную группу депутатов в сословиях дворян и горожан. В отдельных случаях, однако, оба крайних крыла сотрудничали, и это сбило с толку исследователей. Андгрэн показал и значительно большее, чем полагали прежде, влияние в риксдаге 1809—1810 гг. после 6 июня «радикальных активистов», которые утверждали верховенство риксдага в государственной жизни страны. Андгрэн подробно остановил-

⁵² F. Lagerroth. *Våra partiers historiesyn*. Lund. 1968, s. 9—10; P. Nyström. *Sverige. Historie*. «Arbeidernes leksikon», bd. 6, Oslo. 1936, s. 662.

⁵³ См. «Вопросы истории», 1971, № 11, стр. 84—85, 87—88; T. Erlander. *Op cit*, s. 76 etc.

⁵⁴ A. Thomson. *Grundskatterna i den politiska diskussionen 1809—1866*. D. I. Lund. 1923; ejusd. «Liberal». *Några anteckningar till ordets historia*. «Festskrift tillägnad Th. Hjelmqvist». Lund. 1926; ejusd. *1809 års liberaler och kommunismen*. «Clarté», Stockholm. 1924, № 3.

⁵⁵ S. Andgren. *Konung och ständer 1809—1812 mot bakgrunden av ett författningsprojekt från sistnämnda år*. Lund. 1933.

ся и на шведской контрреволюции — сначала на старой, феодально-густавианской, а затем и в особенности — на новой, бернадотовской.

Соотношение сил между риксдагом и правительством Андгрена определял преимущественно при исследовании одного, но ключевого вопроса — финансового. Этот вопрос явился предметом следующего крупного исследования по истории революции, также выдержанного в радикальном духе. Речь идет о книге Н. Шернквиста «Сословия, бюджет и управление 1809—1844», вышедшей в разгар нового послевоенного сдвига влево (1946 г.)⁵⁶. Шернквист показал полноту финансовой прерогативы сословий в первоначальном замысле творцов конституции и в практике риксдага 1809—1810 годов.

Народные выступления революционных лет долгое время оставались предметом популярных очерков авторов радикального и либерального толка. Таково сочувственное описание крестьянских антирекрутских волнений 1811 г. в очерках по истории освободительной борьбы шведских крестьян социал-демократического публициста А. Чемпе. Таков и подробнейший «исторический репортаж» о дне 20 июня 1810 г. — так называемых ферзенских волнениях в Стокгольме, — написанный левым социалистом Т. Нерманом⁵⁷, который, однако, не увидел в этих волнениях ничего, кроме «бунта бессмысленного и беспощадного», и не сделал никаких иных заключений, помимо вывода о нерасторопности тогдашних столичных властей.

Для 1930—1940-х гг. характерно новое взаимное сближение ранее враждовавших либеральных и консервативных историков, в том числе и специалистов по проблемам 1809 года⁵⁸. Отражением этого сдвига и вместе с тем свежим словом в дискуссии о происхождении конституции 1809 г. явились работы видного историка государства и права Фр. Лагеррота, появившиеся в конце 1930—начале 1940-х годов. Прежде сторонник тезиса Брусевица о конституции 1809 г. как продукте французского Просвещения XVIII в., Лагеррот отстаивал теперь концепцию сугубо национального происхождения «формы правления» 6 июня и в этом смысле возвращался к П. Фальбеку. Однако концепция Лагеррота была не консервативно-националистической, а либерально-националистической. «Наша конституционная свобода... есть наше собственное творение, а не иностранный заем»⁵⁹. Эти слова звучали с особой силой весной 1942 г., в условиях немецко-фашистского диктата, которому подвергалась Швеция. Четырехчленную систему разделения властей в шведской конституции 1809 г. Лагеррот выводил не из Монтеסקье, а из отечественных оппозиционных политических учений времен так называемой эры свобод — сословного парламентаризма XVIII века. Учению Монтеस्कье он отводил лишь роль стимула, дополнитель-

⁵⁶ N. Nilsson-Stjernquist. Ständerna, statsregleringen och förvaltningen. Striden om makten över utgifterna 1809—1844. Lund. 1946; см. также его обобщающую статью о революции и конституции 1809 г.: N. Stjernquist. Regeringsformens tillkomst. «Statsvetenskaplig tidskrift», 1959, № 2—3. Вне рассмотрения оставлены здесь важные работы 30—40-х годов по социальной истории рубежа XVIII—XIX вв., прояснившие и социальный фон и подоплеку самой революции: «Studier över svenska riksdagens sociala sammansättning». Uppsala. 1936; B. Boëthius. Magistraten och borgerskapet i Stockholm 1719—1943. Stockholm. 1943; S. Carlsson. Ständssamhälle och ståndspersoner 1700—1865. Studier rörande det svenska ständssamhällets upplösning. Lund. 1949.

⁵⁷ A. K ä m p e. Svenska allmogens frihetsstrider. D. III. Stockholm. 1920; T. N e r m a n. Fersenska mordet. Historiskt reportage från Stockholm den 20 juni 1810. Andra upplagen. Stockholm. 1933.

⁵⁸ См. «Вопросы истории», 1971, № 11, стр. 88—89. Этого не опровергает и шведский критик нашей статьи: K. G e r n e r. Skandinavienforskning i Sovjetunionen. «HT», 1972, № 2, s. 225. Указанное сближение наглядно засвидетельствовано в итоговом обзоре: G. L a n d b e r g. Nyare Geijer-litteratur. «HT», 1944, № 4.

⁵⁹ F. L a g e r r o t. 1809 års regeringsform. Dess ursprung och tolkning. Stockholm. 1942, p. IV; e j u s d. Hans Järta och Sveriges grundlagar. «Statsvetenskaplig tidskrift», 1959, № 2—3 (первое издание — 1938).

ного толчка. Лагеррот успешно исправил «западнические» преувеличения школы Брусевица, но его концепция в целом страдала многими противоречиями (в частности по вопросу о взглядах и участии Х. Ерты в составлении конституции) и не получила признания.

Историки консервативного толка продолжали и в 1940—1960-х гг. разрабатывать историко-биографический аспект революции 1809 года. Обилием свежего архивного материала, впервые введенного в научный оборот, отличалась биография Карла XIV Юхана (Бернадота), написанная Т. Т. Хейером⁶⁰ (позже в течение многих лет бывшего редактором «Historisk tidskrift»). Показательно, однако, что предметом сочувственных жизнеописаний оставались, как правило, консервативные и умеренно-либеральные деятели революционной эпохи⁶¹. Важнейшей среди них для понимания революции была монография С. М. Валлера о бароне Р. Маклине — известном зачинателе буржуазной аграрной реформы конца XVIII в., влиятельном радикале и оппозиционере на риксдаге 1809—1810 гг. (1953 г.)⁶². Подтвердив вывод Андгрена о сотрудничестве правых (густавианских легитимистов) и левых (радикальных) оппозиционеров в ходе революционного риксдага, Валлер по архивным материалам уточнил, что сотрудничество имело место в экономических вопросах на относительно прогрессивной основе. Даже вожди легитимистов — графы Я. Делягарди и Руут были поборниками экономического либерализма, буржуазных аграрных реформ и парламентской реформы. Маклина сблизжала с ними и враждебность сельского сквайра к чиновнику — послереволюционное правительство было чисто бюрократическим по своему составу. Невзирая на присущий книге апологетический оттенок, Валлер наглядно показал глубину обуржуазивания даже шведской аристократии ко времени революции.

Крупным достижением консервативного направления и признаком его отхода от реакционных крайностей С. Класона явилась диссертация Ст. Карлссона (1944 г.) «Падение Густава IV Адольфа. Кризис государственного управления, заговоры и государственный переворот (1807—1809)»⁶³. Тщательное исследование материалов привело молодого консервативного историка к осторожному пересмотру концепции Класона. И в самом сочувственном изображении Густав IV все же предстал как оторванный от жизни король-легитимист, движимый идеологическими (сугубо реакционными) и эмоциональными (религиозно-мистическими) побуждениями. Необходимость переворота 13 марта, исследованного Карлссоном подробнее всех его предшественников, выступила с особой очевидностью, при всей неприязни Карлссона к «людям 1809 года». Более сомнительна картина общественного мнения перед революцией, нарисованная в книге, — тезис о преданности широких масс самодержавному королю. В глазах Карлссона известная неудачная попытка прохожего разносчика дров облегчить Густаву IV бегство из-под стражи 13 марта символизирует «искренний, но мало действенный роялизм широких слоев народа»⁶⁴.

⁶⁰ Т. Т. H ö j e r. Carl XIV Johan. Kronprinstiden. Stockholm. 1943; ср. также рецензию Ф. Мурейна и полемику: «НТ», 1944, № 2—3.

⁶¹ E. F ö r s s b e r g. Karl August, gustavianerna och 1809 års män. Hälsingborg. 1942; U. Willers. Ernst Moritz Arndt och hans svenska förbindelser. Uppsala. 1945; S. M. Waller. Georg Carl von Döbeln. Studier i Sveriges militäriska och politiska historia 1808—1813. Lund. 1947; E. F a h l b e c k. Lars August Mannerheim. Lund. 1969. Сюда же примыкает, несмотря на радикальные прошлые работы автора, биографический очерк: A. T h o m s o n. Adolf Göran Mörner. «Vetenskapakademiens årsbok 1959». Stockholm. 1959.

⁶² S. M. Waller. Rutger Macklean och 1809—1810 års riksdag. Upsala. 1953.

⁶³ S. C a r l s s o n. Gustav IV Adolfs fall. Krisen i riksstyrelsen, konspirationerna och stasvälvningen (1807—1809). Lund. 1944; e j u s d. Kring 1809 års revolution. «Scandia», bd. XVII, 1946, h. 1 (ответ рецензентам).

⁶⁴ S. C a r l s s o n. Gustav IV Adolfs fall, s. 379—380.

В сопоставлении с другими работами С. Карлссона выясняется общий взгляд этого, весьма авторитетного ныне упсальского профессора на переход Швеции от самодержавия и сословного строя к новому гражданскому, классовому (буржуазному) обществу. Та же точка зрения распространена среди консервативных и умеренно-либеральных историков Финляндии да и других северных стран. Указанный переход носил якобы постепенный, органический характер и возглавлялся королями-реформаторами — в противоположность кровопролитному революционному пути таких стран, как Франция. При этом 1809 г. оказывается неизбежным, но прискорбным нарушением генеральной линии развития Шведского государства⁶⁵. В действительности переход Швеции от одной общественной системы к другой сопровождался острейшей классовой борьбой — при отсутствии крупных народных революций здесь имели место только за неполные 100 лет (1718—1811 гг.) четыре успешных государственных переворота (1718, 1772, 1789, 1809 гг.), два неудачных (1756, 1792 гг.), крупное крестьянское восстание с походом на столицу (1743 г.), неоднократные крестьянские волнения⁶⁶, включая подавленные воинской силой в 1811 г., продовольственные волнения городских низов на рубеже XVIII—XIX вв., антиаристократическое выступление стокгольмских горожан в 1810 году. За это же время государственное устройство Швеции менялось по меньшей мере четырежды. И все это, несмотря на сравнительную легкость перехода от феодализма к капитализму в стране, не знавшей крепостного права, с ранним капиталистическим укладом в промышленности. Знаменательно, что в позднейшей своей работе, посвященной истории шведского крестьянства в XIX в., Карлссон в известной мере переменяет угол зрения и критиковал революцию 1809 г. уже не справа, а подобно Томсону, слева — с точки зрения крестьянских интересов⁶⁷. И в новых своих работах Карлссон по-прежнему делает упор на всеобщем консерватизме шведов 1809—1810 гг., на перевесе старого над новым, на незавершенности и ограниченности революции.

Надо признать, что и современные шведские марксистские авторы несколько односторонне выделяют в своих публицистических работах именно указанные пороки революции 1809 года. Такой, мы бы сказали, не вполне историчный подход присущ и известному очерку «Классы и демократия» Х. Рубинштейна, и «Истории рабочего движения в Швеции» ныне покойного Кн. Бекстрема, при всех ее бесспорных достоинствах, и в особенности историческому очерку Ё. Терборна в сборнике «Новые левые»⁶⁸.

Крупным событием в послевоенной историографии революции 1809 г. явилось исследование радикального упсальского историка и архивиста Ё. Виблинга, который впервые специально заинтересовался внепарламентским общественным мнением 1809—1810 гг. и исследовал обширный круг газет, брошюр, листовок и рукописных памфлетов⁶⁹. Выяснилась значительно большая, чем казалось прежде, заинтересованность городских низов в политических событиях и верхов — в агитационно-про-

⁶⁵ Ср. П. Ренвалль. От подданного до гражданина. Ослабление монархического государства перед французской революцией. М. 1970 (XIII Международный конгресс исторических наук); S. Carlsson — J. Rosén. Svensk historia. Tredje upplagan, d 2, Stockholm. 1969, s. 194—195, 202, 236—238, 248—249; «Den svenska historien». d. 7. Stockholm. 1967, s. 320—325.

⁶⁶ Из новейшей литературы см.: S. Smedberg. Frälsebonderörelser i Halland och Skåne 1772—76, Stockholm. 1972.

⁶⁷ S. Carlsson. Bonden i svensk historia. D. III. Stockholm. 1956, s. 241—242 etc.

⁶⁸ H. Rubinstein. Klasserna och demokrati. Stockholm. 1955, s. 89, 106—109, 114—118, 122—123; «En ny vänster». Stockholm. 1966, s. 21—22; См. также брошюру: P. Meurling. Geijer och marxismen. Stockholm. 1947, s. 16. К. Бекстрем. Указ. соч., стр. 53—54.

⁶⁹ J. Wibling. Opinioner och stämningar i Sverige 1809—1810. Uppsala. 1954; ср. пер.: O. Gasslander. Opinioner och stämningar i Sverige 1809—1810. «Scandia», bd. XXIII, 1955/56, h. 1.

пагандистском воздействии на низы. Виблинг показал демократическое крыло участников шведских событий, начиная с К. А. Гревесмёлена. В свете труда Виблинга народная революция, революция низов оказалась постоянно действующим фактором в расчетах шведских политиков — большей частью как угроза, опасность, но порой и как надежда.

Стопятидесятилетие революции в 1959 г., как и столетие в 1909 г., академическая, то есть преимущественно буржуазная, Швеция вновь справляла в качестве юбилея конституции 6 июня. В соответствующем сборнике (специальном сдвоенном номере «Statsvetenskaplig tidskrift») преобладали историки и юристы консервативного или умеренно-либерального толка во главе с Э. Фальбеком. К этому времени вопрос о зарубежных влияниях успел утратить свою политическую остроту: юрист, консерватор, ученик Р. Челлена губернатор одной из шведских провинций Г. Андрен теперь развивал в своей статье небезосновательную мысль об английском влиянии («английской линии»), проступающем во вступительном мемориале к конституции. Либеральный историк К. А. Хесслер в своем историографическом обзоре споров о происхождении конституции 1809 г. отдавал решительное предпочтение точке зрения А. Брусевича о сильном воздействии зарубежных политических доктрин на «форму правления» 6 июня перед концепциями консервативно-националистической школы Челлена — Фальбека. Вместе с тем Хесслер пришел к пессимистическому выводу о невозможности окончательно решить «классический вопрос» о соотношении шведского опыта и зарубежной доктрины в конституции, поскольку мы не знаем и никогда не узнаем, что в действительности говорилось при ее подготовке в конституционном комитете в мае 1809 года⁷⁰.

Своеобразным вызовом юбилейно-почтительному тону консервативных кругов явилась статья-лекция лундского специалиста по экономической истории О. Бюрлинга «Баронская революция», где значительное место отводилось кровавой расправе правительства кронпринца Карла Юхана с непокорной крестьянской беднотой Южной Швеции летом 1811 года⁷¹. Антикрестьянскую политику Бернадота Бюрлинг связал с проходившей тогда в Швеции — и до и после революции 1809 г. — буржуазной аграрной реформой, при которой держатели помещичьей земли и полупролетарские слои деревни сгонялись с наделов.

1960-е годы ознаменовались, как известно, демократизацией состава шведского студенчества и возникновением в его среде левого движения, радикализацией общественного мнения страны в целом. Отзвуки этих перемен отчетливо видны в новых монографиях по интересующему нас вопросу.

Э. Нюман на специальном вопросе — о режиме прессы — убедительно показал поправление шведских либералов с 1810 до 1812 г. и торжество бернадотовской контрреволюции. Ту же тему осветил в статье о шведских газетах 1809—1812 гг. Р. Хедман, данные которого о подписчиках, ценах и тиражах существенно ограничивают мнение Э. Виблинга о большом влиянии газет на горожан того времени. Р. Карлбум вновь поднял классический спорный вопрос об истоках конституции 1809 г. в специальной монографии «Фон конституции 1809 г. Исследование формирования конституционных взглядов в Швеции 1790—1809»⁷². Он, в

⁷⁰ G. Andrén. Några synpunkter på KU's memorial № 1 med förslag till RF. Den engelska linjen. «Statsvetenskaplig tidskrift», 1959, № 2—3; C. A. Hessler. Regeringsformen och den utländska doktrinen. Debatten kring en klassisk fråga. «Statsvetenskaplig tidskrift», 1959, № 2—3.

⁷¹ O. Bjurling. The Barons Revolution. «Economy and History», vol. II. Lund. 1959.

⁷² E. Nymán. Indragningsmakt och tryckerifrihet 1785—1810. Stockholm. 1963; R. Hedman. Svensk tidningar 1809—1812. Prenumerationer, priser, upplagor. «HT», 1964, № 1; R. Carlbom. Bakgrunden till 1809 ars regeringsform. Studier i svensk konstitutionell opinionsbildning 1790—1809. Göteborg. 1964.

сущности, первым исследовал идейно-политическую связь дворянских революционеров 1809 г. с антигуставианской оппозицией 90-х годов XVIII в. и через нее — с идейно-политическими импульсами Французской буржуазной революции.

Карлбум показал быстрое отмирание дворянско-конституционных течений, связанных с «эрой свобод», и преобладание в шведских оппозиционных кругах 90-х годов XVIII в. конституционно-монархических англофильских взглядов. Сочинения Монтестье и Делольма об английском государственном строе были сравнительно широко распространены среди оппозиционеров 90-х годов XVIII в., из среды которых впоследствии вышли виднейшие деятели 1809—1810 годов. Многие из них — более молодые — входили в известный упсальский преподавательско-студенческий кружок — «хунту» 1793 года⁷³. Карлбум затем проследил деятельность членов «хунты» в конце XVIII в. и после ее запрещения — в начале XIX века. Оппозиционный кружок существовал и после вступления Швеции в войну с Наполеоном. Наряду с этой умеренной конституционно-монархической оппозицией, равнявшейся на британские порядки начала XVIII в., Карлбум подробно остановился и на радикальной группе Норделля, Маклина, Гравесмёлена. Он установил также, что заговорщический кружок Седерстрёма в столице имел своим ядром бывшую «хунту». Опровергая мнение С. Карлссона о лояльности масс к самодержавию, Карлбум показал наличие антироялистских настроений во флоте (стычка военных моряков с французскими эмигрантами на шведской службе в Карлсхамне в начале 1808 г.) и широкое распространение недовольства среди офицеров и горожан.

В противовес Шёввалю — Карлссону Карлбум вновь поднимает значение выступления Адлерспарре, а его политическую умеренность во второй половине марта и поддержку им и А. Г. Мёрнером хоконсоновского проекта объясняет тактическими соображениями. Как показал Карлбум, с первых дней революции ее дворянские организаторы «примерялись» к британскому образцу — к «славной революции» 1688 года. Англофилы преобладали, по Карлбуму, и в конституционном комитете риксдага. Умеренным конституционалистам он вслед за Виблингом противопоставляет группу радикалов — разночинцев и дворян, «демократическую партию». Те поддерживали крестьян — единственную подлинно прогрессивную силу 1809 г. — в их борьбе против сословного неравенства, желая этим двинуть революцию дальше, перевести ее из верхушечной в народную. Составители конституции действительно синтезировали шведский исторический опыт, однако сделали это, как полагает Карлбум, не в отрыве, а под прямым воздействием зарубежной просветительской литературы. Карлбум заостряет тезис Брусевица о составителях формы правления 6 июня как учениках французских просветителей⁷⁴.

Хотя выводы Карлбума отнюдь не получили всеобщего признания и резко критиковались как упрощенческие и схематичные (преувеличение англофильства, недооценка влияния физиократов, отсутствие разбора текста конституции и пр.⁷⁵), его работа все же заполнила существовавший до этого в историографии разрыв между шведской оппозицией 90-х годов XVIII в. и 1809 г., помогла определить место шведских событий в общеевропейских рамках, осмыслить их как верхушечную буржуазную революцию, возникающую хотя и самостоятельно, но отнюдь не без связи и воздействия недавней Французской буржуазной революции конца XVIII века. Полемика между Карлбумом и его рецен-

⁷³ O. Dixelius. Den unge Järta. Uppsala. 1953; G. Kjellin. «Hvilke aro de sannskyldiga Jacobinerna?». Sengustavianska opinioner och stämningar. «HT» 1963, № 2.

⁷⁴ R. Karlbohm. Bakgrunden, s. 314.

⁷⁵ Ср. «Statsvetenskaplig tidskrift», 1964, № 5, s. 408, 412, 417; «HT», 1964, № 4, s. 471 etc.

зентами Г. Андреном и О. Хольмбергом неожиданно приняла крайне резкий даже для шведской научной периодики характер⁷⁶. Отвечая своим критикам, Карлбум расценил эту полемику как борьбу молодых прогрессивных сил с отжившими силами реакции. Острота полемики была, по-видимому, связана и с тогдашними спорами вокруг предстоявшего пересмотра конституции 1809 года (реформа 1968—1969 гг.).

Во второй книге Карлбума, «Голодные волнения и стачки в Швеции 1793—1867. Исследование возникновения шведского рабочего движения», показана картина продовольственных волнений 1799—1800 гг. преимущественно городских низов с участием не только ремесленников и подмастерьев, но и настоящих рабочих. В этих волнениях налицо влияние французских событий (автор считает их «запоздалыми побегам французской революции»). Революционных лет Карлбум намеренно не касается, однако он убежден в том, что «политический переворот весны 1809 г. с самого начала повлек за собой известное брожение и среди широких слоев народа. Подлинный взрыв социального движения наступил лишь в последующие годы...»⁷⁷.

Народные выступления в ходе самой революции специально исследует Р. Хедман. Ему принадлежит и большая статья о составе участников ферзенских волнений в Стокгольме⁷⁸. В отличие почти от всех предшествующих шведских историков Хедман подошел к кровавым событиям 20 июня 1810 г. как серьезному и обоснованному выступлению средних слоев и пролетарских низов столицы. Влияние марксистской историографии Французской буржуазной революции конца XVIII в. тут бесспорно.

В заключение отметим еще исследование С. Окермана о податной реформе, принятой риксдагом 1810 г.,— первом и сравнительно радикальном опыте прогрессивно-подоходного налога в Швеции⁷⁹. Автор пишет, что реформа выросла из крайне напряженной ситуации классовой вражды, что знать и богачи откупились ею от крестьян, не добившихся устранения сословных привилегий. Показателем положительных изменений в шведской историографии за последние годы является то, что Окерман — ученик С. Карлссона — вслед за радикальным историком революции Р. Карлбумом ставит ряд таких нерешенных вопросов, которые напрашиваются и при марксистском подходе к событиям 1809—1810 гг.: экономические интересы и воззрения отдельных социальных групп того времени; соотношение партийных сил в дворянской палате (выясненное с помощью современной историко-социологической методики); сословие горожан в 1809—1810 гг., совсем малоизученное; социальные волнения революционного периода.

Таким образом, именно работы буржуазно-радикальных историков определяют собой лицо современной шведской историографии революции 1809—1810 годов. Общая направленность полуторавекового развития шведской исторической мысли о революции 1809 г. не лишена сходства с развитием и английской историографии о революциях XVII в. и французской — о революции 1789—1794 годов. Первенствующее место этой проблематики в шведской историографии нового времени служит немаловажным аргументом в пользу признания событий 1809—1810 гг. буржуазной революцией.

⁷⁶ Ср. «Statsvetenskaplig tidskrift», 1965, № 2—3, s. 275, 286, 293.

⁷⁷ R. Karlbom. Hungerupplopp och strejker 1793—1867. Lund, 1967, s. 97, 255.

⁷⁸ R. Hedman. Massan vid det s. k. fersenska upploppet. «НТ», 1969, № 1; ср. заметку В. В. Рогинского: «Вопросы истории» 1971, № 2, стр. 191—192.

⁷⁹ S. Akerman. Skattereformen 1810. Ett experiment med progressiv inkomstskatt. Västerås, 1967.